

Е. Н. Опочинин

Всеволод Владимирович Крестовский

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/krestovskiy/opochinin_krestovskiy.html.

В 1880-х годах имя Всеволода Крестовского было еще очень популярно, главным образом благодаря его известному роману "Петербургские трущобы". Роман этот, и вправду занимательный (но не более), и тогда еще читался, по удачному выражению покойного Глеба Успенского, "до затрепа". "Автор может быть счастлив, - говорил мне как-то Глеб Иванович, - когда видит книгу свою совершенно затрепанной. Это значит, что его читают очень многие".

Ну, так вот - Всеволод Крестовский мог быть совершенно счастлив, ибо его "Трущобы" во всех торговых библиотеках имели совсем затрепанный вид - с ободраным переплетом, с загрязненными и порванными листами. Соперничать с ним могли бы только разве знаменитые "Похождения Рокамболя" да наиболее захватывающие произведения так называемой ситцевой литературы.

Чтобы покончить с этим романом, считаю нелишним упомянуть о литературной сплетне, долго и упорно циркулировавшей в Петербурге, а именно, что "Петербургские трущобы" были написаны вовсе не Крестовским, а известным автором "Очерков бursы" Помяловским, с которым в молодости будто бы Крестовский жил вместе и был в великой дружбе. Упоминаю об этой сплетне как именно о таковой. Лично я не верил и не верю в этот плагиат: слишком непохоже, чтобы "Трущобы" могли быть произведением Помяловского. Роман этот, непомерно растянутый, полный фальшивых, придуманных образов и положений, не мог выйти из-под пера высоко одаренного автора "Очерков бursы". И, конечно, легенду о похищении "Трущоб" у Помяловского придумал один из "доброжелателей" В.В. Крестовского, а их у него было немало.

Автора "Трущоб" я почему-то представлял себе чем-то вроде проходимца с размашистыми манерами и нахальной речью... Я относил его к давно прошедшему, пережитому, которое связывалось в моем представлении с жуковским табаком, комнатными собаками Шамильками и газетой "Сын Отечества".

И вот однажды Ф.Н. Берг, приступавший тогда к изданию в Петербурге "Русского вестника", говорит мне, что у него в такой-то день Всеволод Крестовский будет читать новые главы своего романа "Тамара Бендавид" и приглашает меня как сотрудника "Русского вестника" присутствовать на этом чтении.

Признаюсь, перспектива слушать в течение нескольких часов "Тамару", роман тягучий и совершенно бездарный, не казалась мне заманчивой, и я хотел было уклониться от этого удовольствия. "А ведь все же это Крестовский, популярный автор "Трущоб", - подумалось мне. - Посмотрим, каков-то этот автор". Промелькнуло в голове стихотворение "Полоса", еще и тогда нередко исполняемое на студенческих сходках, "Солимская гетера"... "Нет, - думаю, - пойду..."

Вот и пошел я часов в восемь вечера к Бергу на Большую Морскую, где он занимал тогда великолепную квартиру. Ливрейный казачок доложил обо мне, и честь честью я был введен в кабинет хозяина, устланный коврами и завешенный картинами в блистающих рамах. Там уже расположилась довольно большая компания, среди которой я приметил знакомые лица Г.П. Данилевского, А.П. Милюкова, торчащие усики нашего среднеазиатского героя и недавнего "сербского сражателя" Михаила Григорьевича Черняева и кое-кого еще.

За столом, как бы на председательском месте, сидел довольно полный человек с обрюзгшим желтоватым лицом, с подозрительно черными усами и такими же волосами на лысеющей голове. Он был в форменном мундире пограничной стражи с зеленым воротником. Он все время как-то хмыркал носом, и лицо его, заурядно армейского типа, подергивала нервная судорога.

- Крестовский, - произнес он, привставая с кресла, когда меня знакомил с ним Ф.Н. Берг.

И в тоне, каким он произнес свое имя, во внушительности осанки сразу почувствовалось как бы желание сказать: "Да, да, тот самый, автор "Панургова стада", "Кровавого пуфа", "Трущоб" и т. д."

На меня, признаюсь, эта подчеркнутая внушительность не оказала никакого действия: по правде сказать, я был очень невысокого мнения о перечисленных романах Крестовского, как и о печатавшемся тогда новом его романе, несомненно, тенденциозно юдофобском.

Началось чтение, скучное и монотонно усыпительное. Только при явно юдофобских выпадах автор оживлялся и впадал даже в пафос. "Что же это? - спрашивал я себя, слушая эту тягучую, никому не нужную белиберду. - И это шестидесятник! Это один из стаи славных! Писатель, общавшийся со Львом Александровичем Меем, работавший вместе с ним и бывший под его влиянием ("Солимская гетера")!"